

В. И. Покровский

**Михаил Юрьевич Лермонтов,
его жизнь и сочинения**

**Сборник историко-
литературных статей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Покровский**
Михаил Юрьевич Лермонтов, его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей / В. И. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 298 с.

ISBN 978-5-517-99274-1

ISBN 978-5-517-99274-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Дѣтство и первая юность Лермонтова.

Горячо любила Михаилъ Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабушка Елизавета Алексѣевна Арсеньева, и память о ней тѣсно связана съ именемъ поэта. Она лелѣяла его съ колыбели, выходила больнымъ ребенкомъ, позаботилась дать ему блестящее и серьезное для того времени образованіе, сосредоточила на немъ всю свою любовь и заботы. Въ преклонныхъ лѣтахъ, частью именно изъ-за этой беззаветной преданности къ внуку, пользовалась она всеобщимъ уваженіемъ и не разъ успѣвала отвращать своимъ заступничествомъ серьезную опасность, грозившую поэту.

Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, была дочь богатаго помѣщика Алексѣя Емельяновича Столыпина, дававшего многочисленному своему семейству отличное воспитаніе. Многіе изъ членовъ этой семьи представляли собою людей съ недюжинными характерами, самостоятельныхъ и даровитыхъ.

Она сочеталась бракомъ съ гвардіи поручикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ.

Арсеньевъ былъ членомъ большой семьи, владѣвшей селомъ Васильевскимъ въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда. Женившись, Михаилъ Васильевичъ переѣхалъ съ женой въ имѣніе Тарханы, Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда.

Отъ брака съ Арсеньевымъ у Елизаветы Алексѣевны была всего одна дочь, Марья Михайловна. Во время смерти отца ей было лѣтъ 15. Какъ при мужѣ, Елизавета Алексѣевна каждый годъ проводила нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, куда ѣзжали изъ пензенскаго имѣнія на долгихъ, посѣщая и останавливаясь на пути у родныхъ и знакомыхъ помѣщиковъ. Возвращаясь однажды изъ Москвы, мать съ дочерью заѣхали въ Васильевское, къ Арсеньевымъ, да и загостились у нихъ. Съ Арсеньевыми находилась въ большой дружбѣ семья Лермонтовыхъ, жившая по сосѣдству въ имѣніи своемъ

Кроптовкѣ. Она состояла изъ пяти сестеръ и брата Юрія Петровича, который былъ воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, а потомъ служилъ въ немъ и вышелъ въ отставку по болѣзни въ 1811 г. съ чинами капитана.

Красивый молодой человекъ, съ блестящими столичными приемами, произвелъ на Марью Михайловну сильное впечатлѣніе. Женское населеніе Кроптовки и Васильевскаго жарко принялось за дѣло и, къ радости или къ неудовольствію Елизаветы Алексѣевны, молодые люди были помолвлены, и Марья Михайловна пріѣхала съ матерью въ Тарханы обьявленною невѣстой.

Родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась къ проектированному браку и недоброжелательно глядѣла на бѣднаго капитана, не принадлежавшаго къ родовитому ихъ кругу. Вѣнчаніе происходило въ Тарханахъ, съ обыкновенною торжественностью, при большомъ сѣздѣ гостей. Вся дворня была одѣта въ новыя платья. Среди гостей находилась сестра Юрія Петровича и мать его, Анна Васильевна.

Хотя Юрій Петровичъ и происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, рано переселившейся въ Россію, и предки его занимали видныя должности при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но родъ ихъ обѣднѣлъ, средства оскудѣли, и самъ Юрій Петровичъ, какъ и другіе, врядъ ли зналъ хорошо свою родословную.

Выйдя замужъ, Марья Михайловна не получила въ приданое недвижимаго и за ней считалось всего 17 душъ безъ земли, вывезенныхъ покойнымъ отцомъ изъ тульской его деревни. Зато мужу ея, Юрію Петровичу, предоставлено было управлять имѣніями матери, селомъ Тарханы и деревнею Михайловской. Онъ и распорядился этими имѣніями до самой смерти жены полнымъ хозяиномъ, — „вошелъ въ домъ“, по выраженію старожилловъ. Молодые выѣхали изъ Тарханъ въ Москву, когда состояніе здоровья Марьи Михайловны этого потребовало. За ними послѣдовала и Елизавета Алексѣевна.

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Изъ Москвы Лермонтовы съ бабушкою и груднымъ ребенкомъ своимъ вернулись въ Тарханы, и Юрій Петровичъ выѣзжалъ изъ нихъ лишь иногда по хозяйственнымъ дѣламъ то въ Москву, то въ тульское имѣніе.

Супружеская жизнь Лермонтовыхъ не была особенно счастливою.

Марья Михайловна, родившаяся ребенкомъ слабымъ и болѣзненнымъ, и взрослою все еще глядѣла хрупкимъ, первымъ созданиемъ. Передраги съ мужемъ, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно дѣйствовать на ея организмъ. Она стала хворать. Въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лѣкарственные снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому съ утѣпениемъ и помощью, — помнили, какъ возилась она и съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь и горе выплакала она надъ его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадивъ ребенка своего себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ прильнувъ къ ней головой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою.

Наконецъ злая чахотка, давно стоявшая насторожѣ, охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она еще держалась на ногахъ, люди видѣли ее бродящею по комнатамъ господскаго дома, съ заложенными назадъ руками. Трудно бывало ей напѣвать обычную пѣсню надъ колыбелью Миши. Постучалась весна въ дверь природы, а смерть — къ Марьѣ Михайловнѣ, и она слегла. Мужъ въ это время былъ въ Москвѣ. Ему дали знать, и онъ прибылъ съ докторомъ наканунѣ рокового дня. Спасти больную нельзя было. Она скончалась на другой день по прїѣздѣ мужа.

Юрій Петровичъ по смерти жены оставался въ Тарханахъ всего 9 дней и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ Кроптовку.

Убитая горемъ Елизавета Алексѣевна приказала снести большой барскій домъ въ Тарханахъ, свидѣтеля смерти ея мужа и любимой дочери, и воздвигнула на мѣстѣ его церковь во имя Маріи Египетской. Рядомъ съ церковью она построила небольшое деревянное зданіе съ мезаниномъ, гдѣ и поселилась съ внукомъ своимъ. Этотъ домъ въ Тарханахъ уцѣлѣлъ и по сіе время.

Глубоко подавленная смертью дочери, Елизавета Алексѣевна перенесла на внука всю свою любовь и прїязнь. Она видѣла въ немъ средоточіе всего, что было отнято судь-

бой въ лицѣ ся мужа и потомъ дочери. Этотъ внукъ носилъ имя своего дѣда; умирающая дочь поручила ей беречь его дѣтство. Кромѣ Миши у ней никого не оставалось на свѣтѣ. Она съ нимъ старалась не разставаться; онъ спалъ въ ея комнатѣ, она наблюдала за каждымъ его шагомъ, страшилась малѣйшаго нездоровья. Рожденный отъ слабой матери, ребенокъ былъ не изъ крѣпкихъ. Если случалось ему занемогать, то въ „дѣловей“ дворовыя дѣвушки освобождались отъ работы, и имъ наказывали молиться Богу объ исцѣленіи молодого барина.

Приставленная со дня рожденія къ Мишѣ бонна-нѣмка, Христина Осиповна Ремеръ, и теперь оставалась при немъ неотлучно. Это была женщина строгихъ правилъ, религіозная. Она внушала своему питомцу чувство любви къ ближнимъ, даже и къ тѣмъ, которые по положенію находились отъ него въ крѣпостной зависимости. Избави Богъ, если кто-либо изъ дворовыхъ онъ обзоветъ грубымъ словомъ, или оскорбитъ. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка, заставляла его просить прощенія у обиженного. Вся дворня высоко чтитъ эту женщину, для мальчика же ея вліяніе было благотѣльно. Всеобщее баловство и любовь дѣлали изъ него баловня, въ которомъ, несмотря на прирожденную доброту, развивался духъ своеволія и упрямства, легко, при недосмотрѣ, переходящій въ дѣтяхъ въ жестокость.

Елизавета Алексѣевна такъ любила своего внука, что для него не жалѣла ничего, ни въ чемъ ему не отказывала. Все ходило кругомъ да около Миши. Всѣ должны были угождать ему, забавлять его. Зимой устраивалась гора, на ней катали Михайла Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потѣшала его. Святками каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, плясали, пѣли, играли, кто во что гораздъ. При каждомъ появленіи новаго лица Михайлъ Юрьевичъ бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ смежную комнату и говорилъ: „Бабушка, вотъ еще одинъ такой пришелъ!“ — и ребенокъ дѣлалъ ему сильное описаніе. Всѣ, которые рядились и потѣшали Михайла Юрьевича, на время святокъ освобождались отъ урочной работы. Праздники встрѣчались съ большими приготовленіями, по старинному обычаю. Къ Пасхѣ заготовлялись крашенныя яйца въ громадномъ количествѣ. Начиная съ Свѣтлаго Воскресенья, залъ напол-

нялся дѣвушками, приходившими катать яйца. Михайль Юрьевичъ все проигрывалъ, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то съ большою радостью бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и кричалъ: „Бабушка, я выигралъ!“ А лѣтомъ опять свои удовольствія. На Троицу и семикъ ходили въ лѣсъ со всею дворней, и Михайль Юрьевичъ впереди всѣхъ. Поварамъ работы было страсть, — на всѣхъ закуску готовили, всѣмъ угощеніе было.

Бабушка въ это время сидѣла у окна гостиной комнаты и глядѣла на дорогу въ лѣсъ и длинную просѣку, по которой шель ея баловень, окруженный дѣвушками. Уста ея шептали молитву. Съ нѣжнѣйшаго возраста бабушка слѣдила за играми внука. Ее поражала ранняя любовь его къ созвучіямъ рѣчи.

Память о матери глубоко запала въ чуткую душу мальчика: какъ сквозь сонъ, грезилась она ему; слышался милый ея голосъ. Потерявъ мать на третьемъ году, онъ хотя смутно, но все-таки помнилъ ее.

Альбомъ матери онъ всегда возилъ съ собою, и еще 11-лѣтнимъ мальчикомъ на Кавказѣ вносилъ въ него свои рисунки. Неразлученъ съ нимъ былъ и дневникъ матери.

Окруженный заботами и ласками, мальчикъ росъ баловнемъ среди женскаго элемента. Фантазія его рано была возбуждена. Если ему и не пришлось слышать русскихъ народныхъ сказокъ, о чемъ онъ сожалѣлъ позже, находя что „въ нихъ больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“, то все же голова ребенка полна была образовъ романтическаго міра.

Тогдашнее романтическое направленіе нѣмецкой литературы уже давало себя знать, и немудрено, что его „мамушка“, какъ онъ называлъ свою бонну-нѣмку, не мало передала ему рассказовъ, которые наполнили собою юную головку.

Рано уже любилъ мальчикъ часами глядѣть на луну, слѣдить за разнообразными облаками, воображать въ нихъ рыцарей въ шлемахъ, окружающихъ чудесное свѣтило. Представлялось оно ему волшебницей, плавно идущей въ свой чудесный замокъ, сопровождаемой дружиной вѣрныхъ защитниковъ отъ опасныхъ враговъ — великановъ, карловъ и безобразныхъ драконовъ и чудищъ.

Когда Михайль Юрьевичъ подростъ и вступилъ въ отроче-

скій возрастъ, — рассказываютъ старожилы села Тарханы, — были ему набраны однолѣтки изъ дворовыхъ мальчиковъ, обмуцированы въ военное платье, и дѣлалъ имъ Михайлъ Юрьевичъ ученіе, игралъ въ воинскія игры, въ войну, въ разбойниковъ. Товарищами были ему также родственники, жившіе по сосѣдству съ Тарханами.

Желая создать для Мишеля вполне подходящую обстановку, было рѣшено обучать его вмѣстѣ съ сверстниками, съ коими онъ дѣлилъ бы тоже и часы досуга.

Кромѣ обыкновеннаго курса наукъ, Мишеля и сверстниковъ обучали языкамъ французскому и нѣмецкому, а изъ древнихъ латинскому и греческому. Послѣднему обучалъ грекъ изъ Кефалоніи, бѣжавшій въ Россію во время смуты, предшествовавшихъ войнъ за освобожденіе Греціи. Но успѣхи Мишеля у этого ученаго политическаго выходца были не особенно блестящи, и импровизованный менторъ скоро перешелъ на чисто практическую дѣятельность. Онъ занялся выдѣлкою шкуръ собакъ, и этому искусству научилъ окрестныхъ крестьянъ, до сей поры имъ занимающихся.

Своихъ сверстниковъ Мишель любилъ дѣлать на два лагера. Происходили военныя игры, и особенно зимою воздвигались и брались крѣпости, совершались переходы.

Желая поправить здоровье внука, бабушка нѣсколько разъ возила его на кавказскія воды. У Столыпиныхъ было имѣніе „Столыпиновка“ недалеко отъ Пятигорска.

Въ головкѣ мальчика тогда бродило уже многое. Чуткій ко всѣмъ явленіямъ природы, почерпая изъ нихъ нескончаемый матеріалъ для жизни фантазіи, Лермонтовъ не могъ не поддаться обаянію величественнаго Кавказа:

„Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня приучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ...“

Едва ли къ чему-либо такъ пристрастилось сердце Лермонтова, какъ къ Кавказу. На него онъ излилъ всю свою любовь, имъ онъ дышалъ. Кавказъ открылъ ему свои объятія, величественныя какъ душа поэта, и объятія эти замѣнили ему ласки рано умершей матери, а позже — любовь родной души, дружбу близкихъ и далекую родину. Въ 1830 г. въ упомянутыхъ черновыхъ тетрадяхъ, черезъ нѣсколько стра-

ницѣ послѣ воззванія къ Кавказу, онъ посвящаетъ ему же еще стихотвореніе:

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнуть отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,

Люблю я Кавказъ.

*Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.*

За это люблю я вершины тѣхъ скаль,

Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскою по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ.

И сердце лепечеть, воспомина тогъ взоръ:

Люблю я Кавказъ.

По возвращеніи съ Кавказа бабушка со внукомъ вновь поселилась въ Тарханахъ. Едва выѣдешь изъ села этого, какъ въ сторонѣ покажется нѣсколько избъ среди густой зелени окружающихъ деревьевъ. Надъ ними высится скромный шпигъ сельской колокольни. Это — Тарханы. Барскій домъ, одноэтажный, съ мезаниномъ, окруженъ былъ службами и строеніями. По другую сторону господскаго дома раскинулся роскошный садъ, расположенный на полугорѣ. Кусты сирени, жасмина и розановъ клумбами окаймляли цвѣтникъ, отъ котораго въ глубь сада шли тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ, обсаженная акаціями, сросшимися наверху настоящимъ сводомъ, вела подъ гору, къ пруду. Съ полугорья открывался видъ на село съ церковью, а дальше тянулись поля, уходя въ синюю глубь тумана. Здѣсь мечталъ своею дѣтскою душой пробужденный мальчикъ.

Висковатовъ.

Воспитаніе и образованіе Лермонтова въ Москвѣ и его наставники.

Когда Лермонтову пошелъ 14-й годъ, рѣшено было продолжать его воспитаніе въ „Благородномъ университетскомъ пансіонѣ“. Въ 1827 году бабушка повезла внука въ Москву и наняла квартиру на Поварской. Теперь для Мишеля наступила новая жизнь: шумная разсѣянная жизнь замѣнила

прежнюю. Въ Тарханахъ и на Кавказѣ мальчикъ жилъ въ простой, но поэтической обстановкѣ, съ людьми незатѣйливыми, искренно его любившими. Воспитатель его, эльзасецъ Капэ, былъ офицеръ наполеоновской гвардіи. Раненымъ попалъ онъ въ плѣнъ къ русскимъ. Добрые люди ходили за нимъ и поставили его на ноги. Онъ однакоже оставался хворымъ, не могъ привыкнуть къ климату, но, полюбивъ Россію и найдя въ ней кусокъ хлѣба, свыкся и глядѣлъ на нее, какъ на вторую свою родину. И послужилъ же онъ ей, ставъ наставникомъ великаго ея поэта.

Лермонтовъ очень любилъ Капэ, о коемъ сохранилась добрая память и между старожителями села Тарханы; любилъ онъ его больше всѣхъ другихъ своихъ воспитателей. И если бывший офицеръ наполеоновской гвардіи не успѣлъ вселить въ питомца своемъ особенной любви къ французской литературѣ, то онъ научилъ его тепло относиться къ генію Наполеона, котораго Лермонтовъ идеализировалъ и не разъ воспѣвалъ. Можетъ-быть также, что военные рассказы Капэ не мало способствовали развитію въ мальчикѣ любви къ боевой жизни и военнымъ подвигамъ. Эта любовь къ браннымъ похождениямъ вязалась въ воображеніи мальчика съ Кавказомъ, уже поразившимъ его во время пребыванія тамъ, и съ рассказами о немъ родни его.

То было на Руси время удивительное — эти годы послѣ Отечественннй войны. Давно Россія на землѣ своей не видала враговъ. Долгій и крѣпкій сонъ, которымъ спала особенно провинція, былъ нарушенъ. Очнувшійся богатырь разомъ почувствовалъ свою мощь, позналъ любовь свою къ родинѣ такъ, какъ сказала она въ немъ развѣ два вѣка назадъ, въ 1612 г. Стихійныя чувства пробудились, смокла взаимная вражда мелкихъ интересовъ, перестали существовать сословные предразсудки, забылись привилегіи классовъ, оступились чувства собственности, и каждый, въ коемъ не иссохла душа, — а такихъ людей, слава Богу, было много, — каждый чувствовалъ, что все его достояніе, весь онъ, принадлежитъ народу и землѣ родной. Этому народу, этой землѣ приносилось въ даръ достояніе какъ легко добытое, такъ и трудами накопленное. Оно приносилось въ даръ или прямо родинѣ, или уничтожалось, чтобы не попало въ руки врага и черезъ то не послужило бы во вредъ родной землѣ.

Весь существовавший до той поры порядокъ былъ нарушенъ. Соціальный строй общества измѣнился. Понятія *мое* и *твое* перестали существовать; всё были поглощены заботами объ общемъ достояннн народа. Въ общественномъ понятнн воцарилась равенство и братство, а за достиженіе свободы всё равно бились и умирали. Въ Россіи заговорили тѣ же поднимающія духъ истины, которыя электризовали французскій народъ въ эпоху великой революціи. Вотъ почему, несмотря на вражду, эти два народа, именно въ эту годину бѣдъ, ближе познали другъ друга и преклонились, въ лучшихъ людяхъ своихъ, передъ одними и тѣми же идеалами. Взаимныя симпатнн и удивленіе великодушнымъ чертамъ характера держались упорно, несмотря на проснувшійся патріотизмъ. Удивительно, что пробудившееся у насъ самоуваженіе, забытое было среди лжи и поклоненія всему иноземному, никогда не доводило русскихъ до ослѣпляющаго самомнѣнн. Еще Петръ, побѣдителемъ подъ Полтавой, въ шатрѣ своемъ

За учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пожегшій добро свое русскій, голодный и безпріютный, дружески относится къ плѣнному французу. Говорятъ, Наполеонъ подъ Аустерлицемъ съ соболѣзнованіемъ и симпатіей глядѣлъ на храбро гинувшихъ русскихъ.

О разныхъ славныхъ битвахъ восторженно рассказывалъ своему питомцу Капэ. Но особенно его трогали рассказы о Бородинскомъ сраженнн, и въ этомъ случаѣ мальчикъ-поэтъ не внималъ своему наставнику, а всецѣло склонился на сторону русскихъ рассказчиковъ, коихъ было не мало.

Рассказывали и старъ и младъ, — и тѣ, которые бились начальниками, и тѣ, что сражались воинами-ратниками, — всё эти восторженные патріоты, готовившіеся къ смерти, чаявшіе пасть за родину и наканунѣ великой битвы облекавшіеся въ чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы въ нихъ встрѣтить славный конецъ. Да,

Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!...

воскликаетъ въ патріотическомъ восторгѣ 17-лѣтнн Лермонтовъ, набрасывая въ 1831 году первый очеркъ стихотво-

ренія, изъ котораго позже выработалось знаменитое „Бородино“.

Интересъ къ Франціи и Наполеону поэтъ сохранилъ на всю жизнь. Съ 1830 года до 1841 онъ неоднократно занимается французами и ихъ императоромъ. Сужденіе относительно ихъ измѣняется, но любовь къ могучему вождю остается все та же. Съ годами она даже увеличивается и увеличивается именно тогда, когда онъ бичуетъ французовъ:

Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты — жалкій и пустой народъ, —

жалкій до того, что духъ Наполеона, примчавшійся въ Парижъ, на свиданіе съ новою гробницей, гдѣ прахъ его лежитъ, пожалбеть

О дальнемъ островѣ, подъ небомъ южныхъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ.

Лермонтовъ, конечно, не разъ слышалъ рассказы людей, испытавшихъ славное время на Руси и въ концѣ 20-хъ годовъ уже чувствовавшихъ гнетъ реакціи.

Замѣчательно, что жители Тарханъ изъ многихъ наставниковъ Михаила Юрьевича сохранили только воспоминаніе о Капэ и о нѣмкѣ Ремеръ, что они знаютъ, какъ „молодой баринъ“ любилъ учителя-француза и что объ этой любви Лермонтова къ нему и о вліяніи на него стараго наполеоновскаго офицера говорилъ и наставникъ Лермонтова, Зиновьевъ.

Капэ однако не долго послѣ переселенія въ Москву оставался руководителемъ Мишеля, — онъ простудился и умеръ отъ чахотки. Мальчикъ не скоро утѣшился. Теперь былъ взятъ въ домъ весьма рекомендованный, давно проживавшій въ Россіи, еще со времени великой французской революціи эмигрантъ Жандро. Жандро сумѣлъ понравиться избалованному своему питомцу, а особенно бабушкѣ и московскимъ родственницамъ, коихъ онъ плѣнялъ безукоризненностью манеръ и любезностью обращенія, отзывавшихся старой школой галантнаго французскаго двора. Этотъ изящный, въ свое время избалованный русскими дамами французъ пробылъ, кажется, около двухъ лѣтъ и, желая овладѣть Мишей, сталъ